

УДК 32.001

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И.Л. СОЛОНЕВИЧА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Предложена интерпретация политических идей И.Л. Солоневича в гендерной перспективе. Рассматриваются основные положения концепции «народной монархии», выявляется отношение автора к правлению женщин. Автор анализирует критику Солоневичем политики равенства полов в СССР.

Ключевые слова: консерватизм, большевизм, гендер, андроцентризм, патриархальный порядок.

«Самый современный писатель из классиков русского консерватизма» [6, с. 17], представлявший собой «тип имперского консерватора» [7, с. 14], Иван Лукьянович Солоневич [1891–1953] вошел в историю российской общественно-политической мысли как теоретик монархизма.

По собственному выражению мыслителя, он был родом «из крестьян Гродненской губернии» [11, с. 117]. Жизненный путь Солоневича складывался драматично под влиянием происходящих в России событий: учеба на юридическом факультете Петербургского университета была прервана Первой мировой войной, журналистская деятельность мыслителя оказалась не востребовавшей во время революции и Гражданской войны. После прихода власти большевиков Солоневич сотрудничал с Белым движением, но по причине болезни был вынужден остаться на территории Советской России-СССР, предпринимая неоднократные попытки побега. Осенью 1933 г. мыслитель был осужден на 8 лет. Антигуманные практики советской пенитенциарной системы он подробно описал в книге «Россия в концлагере» [12]. Сбежав из заключения, И.Л. Солоневич в эмиграции активно занимался пропагандой идеи самобытной русской самодержавной монархии в таких трудах как, «Народная монархия», «Белая империя» и «Наша страна. XX век».

Идейным основанием концепции «народной монархии» И.Л. Солоневича явились труды славянофилов [3, с. 140]. Наиболее близким к себе мыслителем консерватор считал Л.А. Тихомирова: «Когда в феврале 1945 года мы из Померании бежали конной тягой, я... бросил все. Все три тома “Монархической государственности” я довез до Аргентины» [11, с. 165]. В целом мыслитель весьма критично относился к российскому гуманитарному знанию, полагая, что оно только копирует западные идеи. При этом Солоневич осуждал одновременно и левый, и правый спектр общественно-политической мысли.

Решающим фактором государственного строительства Солоневич считал «дух» народа-строителя [10, с. 21]. Используя традиционный для российского консерватизма принцип сравнительно-исторического анализа, Солоневич формулировал цель исследования следующим образом: «По самым основным фактам русской истории проследить индивидуальное выражение русского народного духа, русского государственного инстинкта» [8, с.31]. Консерватор полагал, что «русская государственность, русская национальность и русская культура идут своим собственным путем, впитывая в себя ряд чужеродных влияний, но не повторяя путей никакой иной государственности, нации и культуры истории и современности» [10, с. 16].

Мыслитель утверждал, что русский народ выстрадал русскую форму государственности – русскую монархию, «соборную монархию», которая была самой совершенной формой государственного устройства, «какая только известна человеческой истории» [там же, с. 86]. При этом институт монархии мыслитель не считал специфически русским изобретением: «Она родилась органически, можно даже сказать биологически, из семьи, переросшей в род, рода, переросшего в племя, и т. д. – от вождей, князьков и царьков первобытных племен до монархии российского масштаба» [там же]. Отличительную черту русской монархии Солоневич видел в том, что она выражала «волю всей нации, религиозно оформленную в православии и политически оформленную в Империи», которую мыслитель назвал «диктатурой совести» [там же].

Опираясь на идею И.С. Аксакова о том, что «царю принадлежала сила власти, и народу – сила мнения», И.Л. Солоневич находил идеал политического устройства в Московском царстве. Ссылаясь на Л.А. Тихомирова, он утверждал, что московские цари «силой власти» реализовали «мнение Земли», выраженное в церковных и земских соборах. Эпоху Петра мыслитель рассматривал как исходную точку отталкивания власти от народа, поскольку «именно в эту эпоху было начерно оформлено идейное завоевание России Западом и физическое – шляхетством» [там же, с. 29].

Анализируя концепцию народной монархии сквозь призму гендерного подхода, можно утверждать, что Солоневич ёмко сформулировал сущность модели «отеческого правления»: «Так или иначе – каждый монарх действовал “как добрый отец семейства”, и народное выражение “Царь-Батюшка”, при всей его кажущейся примитивности, есть выражение огромной внутренней значимости. Оно подчеркивает значение монархии как политического завершения семейного идеала народа: Царь-Батюшка и Державный Хозяин Земли Русской. Только Он может воплощать в себе и законность, и преемственность, и последовательность власти. Или, говоря иначе, планировать по-настоящему может только Он» [там же, с. 97].

И.Л. Солоневич резко негативно высказывался относительно женского правления, не признавая в принципе возможность занятия женщинами поста главы государства: «Империя Олега существует более тысячи лет. Её росту не помешали ни княгиня Ольга, которая уже по одному женскому происхождению едва ли годилась в полководцы» [там же, с. 218]. С точки зрения мыслителя, девушки царской семьи не отличались истинным патриотизмом, поскольку, вступая в брак, будущая императрица или королева была вынуждена менять родину [там же, с. 211]. Он считал, что в XVIII в. почти на сто лет Россия осталась без монархии – «её место занимает власть случайных женщин на престоле» [там же, с. 153], при которых «внутренняя история России пошла так сказать вспять» [11, с. 26]. Солоневич полагал, что «матушки-царицы никакой властью не были, ибо на престол они поднимались на штыках какого-нибудь измайловского полка» [там же, с. 71]. «Когда мы говорим о самодержавии, то... большинство из нас подразумевает не самодержавие Екатерины I, а самодержавие московских царей... с земскими и церковными соборами, с патриархом, со всероссийскими съездами городов», – писал штабс-капитан Солоневич [там же, с. 162]. Солоневич называл Елизавету «доброй женщиной», которая не понимала ничего в государственных делах, но «попыталась смягчить зверство тогдашних наказаний» [10, с. 374]. Мыслитель отрицательно относился к правлению Екатерины II, которая для него не была ни русской, ни царицей, а мелкой немецкой принцессой, ставшей путем мужеубийства и цареубийства «почти тем же, чем сейчас является Сталин» [11, с. 327], «случайной вывеской на пустом престоле» [10, с. 225], «куклой в руках тех людей, которые несли её и на кровать и на престол» [11, с. 327]. И.Л. Солоневич считал, что матушкой-царицей она была для десятков своих любовников, а не для миллиона крестьян, раздаренных этим любовникам [там же, с. 27], каждый из которых удостоился специальной биографии [10, с. 291]. Поэтому только после периода правления цариц, по его мнению, «первые законные русские цари снова берутся за прерванное Петром занятие» [там же, с. 303].

И.Л. Солоневич, выделяя в составе русского народа три элемента – крестьянство, пролетариат, интеллигенцию [11, с. 161], признавал историческую значимость только за крестьянами – мужиками. «Образ оратая Миккулы Селяниновича, вероятно, на иностранные языки непереволим вовсе, а именно этот оратай создал землю русскую», – полагал И.Л. Солоневич [8, с. 63]. Согласно мыслителю, уральские, тяглые и другие мужики являлись основными действующими персонажами русской истории [10, с. 150, 152, 318, 319, 356, 409]. «В смутное время победили тягловые мужики» [там же, с. 303, 313], «мужик в гвардейском мундире спас Николая I» [там же, с. 286], «самодержавие и строил и поддерживал мужик» [там же, с. 323], «крепостной мужик стоял на страже монархии» [7, с. 34] – данные и аналогичные цитаты в трудах Солоневича отражали его главную мысль о крестьянах как основной социальной опоре российской монархии.

С точки зрения автора, крестьянское сословие в лице мужиков разделило судьбу монархии: «Мужик имеет только одного равного товарища по несчастью – царскую семью» [11, с. 158]. Основной жертвой революции Солоневич считал крестьянское сословие: «Не помещики, не фабриканты, не профессора оплачивают в основном эти страшные “издержки революции” – их оплачивает мужик. Это он, мужик,дохнет миллионами и десятками миллионов от голода, тифа, концлагерей» [12, с. 53].

Негативную роль в крушении самодержавного режима Солоневич приписывал интеллигенции: «Общественная мысль, оторванная от народных корней, металась на побегушках у западноевропейской моды и щеголяла обносками с барских плеч европейской философии. У властителей дум и довоенной, и нынешней России не хватало самого простого мужицкого ума тургеневского Хоря: “это нам подошло бы, а вот этого нам не надобно”» [8, с. 53]. Он противопоставлял данной социальной группе «отсталого», «политически несознательного мужика», который «ясно знал, что ни при каком строе, он мужик, править не будет» [там же, с. 90]. «За русским мужиком никакой эрудиции нет – только в предвоенные годы профессорская эрудиция несколько и ненадолго сбила с этого мужика панталыку»,– писал Солоневич [там же, с. 89], и поэтому «мужик не вывез в 1917 году» [там же, с. 134], и история России перевернулась «вверх ногами» [там же, с. 137]. В своих планах по переустройству России Солоневич настаивал, что необходимо делать только то, что полезно русскому мужику [12, с. 293]. Таким образом, в работах Солоневича мысль российских консерваторов XIX в. о мужике как носителе русской культуры нашла своё логическое продолжение и развитие [4].

По поводу «женского вопроса» и его отражения в работах западных мыслителей И.Л. Солоневич высказался в очень резких тонах: «Вейнингера с его “Полом и характером” и Мебиуса с его “Физиологическим слабоумием женщины” я бы повесил безо всякого зазрения совести... Если бы я был в своё время человеком, власть имеющим, я не очень вежливо поступил бы и с “Крейцеровой сонатой”. Должны быть установлены какие-то правила литературно-общественного приличия, не допускающие клеветы на наших матерей, жен, сестер и дочерей... Функции у нас и у женщин несколько разные. Но я не знаю, что почётнее и что труднее: давать ли миру тракторы и пулеметы или давать миру новых людей. Я предпочитаю людей» [8, с.255-256].

В работах И.Л. Солоневича специфика советского общественно-политического строя и решение в его рамках «женского вопроса» осмысливается на основе собственного жизненного опыта и опыта своих близких и знакомых. Мыслитель, безусловно, не признавал легитимности советской власти. Он рассматривал русскую революцию как «ограбление мужика» [8, с.267], как историю «бесконечных страданий и бесконечного унижения» с кровью и грязью, которая уморила голодом около 15 млн людей [9, с.41]. Реальное лицо революции представлялось Солоневичу «не в виде

грозного, но поэтического лика исторической Немезиды, а в виде миллиона присосков скользкого, безликого и безмозглого революционного осьминога» [там же, с. 42]. Так же как Ильин, Солоневич отмечал утопизм большевистской политики: «Все социалистические программы наделяют всех людей теми свойствами, которые отсутствуют у почти всех людей... Чувства семьи, собственности, нации, по практической проверке историей, оказались реально существующими» [10, с. 323]. Советскую революцию мыслитель рассматривал как логическое завершение политической конструкции, которая сложилась в результате петровских реформ и которая базировалась на полной оторванности «верхов» от «низов», «интеллигенции» от «народа», «разума» от «инстинкта» [там же].

Смысл своей эмигрантской деятельности мыслитель видел в том, чтобы «указать русскому, пока что подсоветскому человеку, наш чисто русский, монархический, национально-православный исторический путь», в котором необходимо «учитывать опыт десяти веков, опираться на то, что поддерживает русский мужик» [8, с. 17, 36]. И.Л. Солоневич рассматривал семью как основную опорную точку «всякого национального и государственного бытия» [там же, с. 41]. Он полагал, что «марксизм не догадался», что не экономика строит семью, а семья строит экономику: «Отец и мать, отдающие свой труд, свои заботы, свои жертвы ребёнку, действуют никак не из экономических соображений». С чисто экономической точки зрения Солоневич рассматривал «бытовые коммуны» как «вельми великие усовершенствования» – женщина рождает на свет ребёнка, а остальное доделывают «ясли», «коммуны» и прочее – никаких забот. Но, по консерватору, для матери забота о ребёнке является самым важным в жизни: «Отнимите эти заботы – и для подавляющего большинства матерей... станет очень скучно» [там же, с. 164].

И.Л. Солоневич отмечал, что новые советские женщины-активистки не подходят для семейной жизни: «На активистках не жениться. А мне жена нужна, а не трепло» [там же, с. 255]. Он сочувствовал им в том, что советская власть лишила их отношений, основанных на романтической любви, и предложила взамен «любовь без черёмухи» [там же]. Основные трудности, с которыми сталкивалась советская женщина, по мнению Солоневича, вытекали из сущности самого строя. Современный консерватору российский политический режим он определял как абсолютизм, который хочет быть просвещённым, а хозяйственный строй называл крепостничеством, которое хочет быть культурным [там же, с. 111]. «Эмигрантским мисс Россиям невозможно представить себе все те муки, весь тот героизм и самопожертвование, с которыми русская подсоветская женщина проходит свою жизнь и строит свою семью. Не мисс России стоят в очередях для передачи около ОГПУ, не они бегают за куском хлеба или стаканом молока для своего ребенка... На деле роль русской женщины намного более тяжела и намного более важна. Я бы даже рискнул и на такое утверждение, что эта роль для России является

решающей», – писал мыслитель-эмигрант [там же]. После окончания советской власти, на которое рассчитывал консерватор, он предлагал поставить три памятника в каждом городе: Царю-Мученику, Неизвестному русскому штабс-капитану, отдавшему свою жизнь за Россию, и Неизвестной русской женщине, давшей России новые имена [там же, с. 257].

В своих произведениях Солоневич описывал судьбы советских женщин – женщин, попавших под репрессии в связи с уголовными делами своих мужей, женщин, заканчивающих жизнь самоубийством в результате сексуальных домогательств со стороны начальников, и т. д. Символом советской России Солоневич назвал голодную девочку, с которой он встретился в концлагере и дал ей кусок хлеба: «Я стоял перед нею пришибленный и растерянный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к себе самому. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов взрослых мужчин, могли допустить до этого... Она для меня стала каким-то символом – символом того, что случилось с Россией» [там же, с. 182].

Основные тезисы по реализации «женского вопроса» в советской России, СССР, мыслитель изложил в работе «Большевизм и женщина», которую посвятил своей первой жене, «сильной духом женщине, дочери своего отца – полковника В.И. Воскресенского» Тамаре Владимировне Солоневич, погибшей в 1938 г. от взрыва бомбы-посылки в редакции газеты «Голос России» (София, Болгария).

«Я не принадлежу к числу сторонников так называемого женского равноправия. Одинаковые права предполагают одинаковые силы и одинаковые возможности. Суфражистская идея, нелепая в самой своей основе, советской практикой была доведена до абсурда. <...> Советское равноправие женщины имеет очень много аспектов, не предусмотренных даже и Карлом Марксом», – высказывал свою позицию Солоневич [9, с. 38]. Мыслитель полагал, что равноправие в созданных советской властью условиях гораздо сильнее ударило по женщине, чем по мужчине: «Не буду говорить и о равноправии на производстве, когда женщинам было предоставлено полное право работать на подземных работах, в шахтах Донбасса, таскать на спине кирпичи на московских стройках, рыть котлованы на Магнитке и рубить бревна в лесах концентрационных лагерей» [там же]. Описывая гендерные отношения в концлагере, Солоневич указывает, что все заключенные мужского пола старались изолировать женщин от работ в лесу: «Это была своеобразная мужская вежливость, знакомая и Западной Европе. Но цена этой вежливости Западной Европе не знакома. Мужчина, уступающий даме место в трамвае, рискует простоять всю остальную дорогу. Мужчина, путём служебного подлога, ограждающий женщину от лесных работ, рискует просидеть на Соловках всю остальную жизнь» [там же].

Однако, по мнению консерватора, оградить женщину «от звериной стороны советского быта» мужчина был не в силах. По большинст-

ву железных дорог ходят не пассажирские вагоны, а так называемые теплушки, взобраться на которые женщина без посторонней помощи не может, сообщал Солоневич [там же, с. 39]. «Нужны огромные мускульные усилия, чтобы влезть в трамвай, и приблизительно такие же, чтобы вырваться из него... Приходится спрыгивать на ходу, что опять-таки не одинаково легко для обоих полов», – писал он [там же]. Мыслитель считал, что мужчины как-то приноровились «и к грязи, и ко вшам, и к прыжкам в трамвай и из трамвая, и к звериной хватке за кусок мяса и кусок хлеба», но русскую женщину практики советской власти поставили в отчаянное положение [там же, с. 40]. «Я только отмечу тот факт, что необходимость одеваться в лохмотья для женщины гораздо более чувствительна, чем для мужчины. Тамаре Владимировне приходилось одеваться и в лохмотья», – отмечал мыслитель [там же].

Солоневич также полагал, что служебная карьера при всём советском равноправии даёт мужчинам большие возможности. Так же как и Ильин, мыслитель отмечал страх женщин за свою честь, который добавляется к голоду, усталости, непосильному напряжению: «Романтические устремления комиссара всегда поддерживаются тяжёлой артиллерией постоянных сокращений, увольнений, чисток и арестов» [там же, с. 39]. Мыслитель выделял в отдельную, наиболее уязвимую для большевистской политики группу интеллигентных женщин, жизнь которых стала невыносимой. Он объяснял это тем, что в новой советской реальности, в условиях «звериной борьбы, кулачного права, быта, который временами опускается до исторического уровня», «быта неандертальской пещеры СССР» физическая сила играет огромную роль [там же]: «К физической силе и к огромному кулаку плебс всегда относится с почтением» [там же, с. 40]. Здесь мы выходим на важные, с гендерной точки зрения рассуждения автора. Помимо того, что Солоневич вскрыл рассогласование между декларируемыми принципами равноправия полов и их реализацией, он отмечал, что одна доминирующая модель до-революционной маскулинности, суть которой заключалась в рыцарском отношении к женщинам, сменилась новой – плебейской, основанной на грубой физической силе, характерной для рабочего класса индустриальной эпохи и применяемой в том числе и к женщинам. Описанные Солоневичем случаи, в частности когда он спасал жену от домогательств комиссаров – представителей указанной плебейской модели маскулинности, свидетельствовали о том, что выстраиваемая советской властью в ходе реализации «женского вопроса» модель гендерных отношений оставалась асимметричной. Солоневич подметил, что существующие до революции различные модели женственности с приходом советской власти свелись к одной – женщине-работнице.

По мнению Солоневича, проект женской эмансипации советской власти был обречён на неудачу по причине природной «контрреволюционности» самих женщин: «Над всеми этими и мучительными, и

смешными, и позорными, и трагическими мелочами подсоветского быта властно господствует самый основной, самый глубинный инстинкт, инстинкт женщины-матери» [там же, с. 41]. С его точки зрения, суть этого инстинкта, который «стал поперёк дороги большевизму», заключается в том, что в противовес разрушительной силе коммунистической политики он носит созидательный характер: «Женщина, женщина-мать – она всегда созидательница. Своей семьи, своего очага и отсюда – своей нации. Большевизм разрушает и семью, и очаг, и нацию. Здесь примирения нет, и здесь примирения быть не может» [там же].

И.Л. Солоневич показывал, с какими усилиями его жена пыталась вырваться из СССР: готовила планы побега, ходила ежедневно по 20 км, решила на фиктивный брак с иностранцем и пр. «О себе она никогда не думала, или, по крайней мере, не говорила. А заплатить жизнью пришлось именно ей», – так он заканчивает свой очерк «Женщина и большевизм» [там же].

Таким образом, важность гендерной составляющей произведений российского консерватора-эмигранта как маркера между различными моделями социально-политического устройства определяется тем, что он отразил в своих работах слом старой дореволюционной гендерной системы и замену её новой большевистской моделью отношений между полами; показал разрыв между декларациями равноправия полов и реальностью реализации данного проекта; подчеркнул инструментальность использования женских масс в достижении целей большевистской политики. Мыслитель продемонстрировал, как асимметрично советская политика равенства полов повлияла на их статус, усилив эксплуатацию женского населения, создав практики «двойной занятости» на производстве и в домашнем хозяйстве. Опираясь на принципы биологического эссенциализма, мыслитель полагал, что советская власть исказила истинную природу женщин и противоречила созидательному характеру деятельности женщины-матери.

И.Л. Солоневич в своих трудах засвидетельствовал тот факт, что реализация принципа равенства полов на практике привела к смене одной модели маскулинности другой: приход к власти плебса с его культом физической силы predetermined новый гендерный порядок в советской России и СССР. В целом мыслитель показал, что дореволюционный плюрализм моделей фемининности был низведён до одной модели женщины-работницы, разоблачил миф об успешной женской эмансипации в советский период. Выводы мыслителя во многом созвучны современным исследованиям гендерной политики в СССР [1, с. 66–69; 2, с. 239–249; 5, с. 95–138].

Список литературы

1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
2. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
3. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: ТвГУ, 2001. 235 с.
4. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Теоретическое конструирование политики и моделей маскулинности в российском консерватизме XIX – середины XX в. // Власть. 2014. № 9. С. 129–134.
5. Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. унта в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
6. Смолин М. Б. Монархизм как любовь. Штрихи к портрету Ивана Солоневича //Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М.: Москва, 2001. С. 5–24.
7. Смолин М. «Я, конечно, русский империалист» //Белая империя. М.: Москва, 1997. С. 5–14.
8. Солоневич И.Л. Белая империя. М.: Москва, 1997. 368 с.
9. Солоневич И.Л. Вся власть – русским мозгам!: сб. ст. СПб., 2003. 192 с.
10. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 512 с.
11. Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М.: Москва, 2001. 448 с.
12. Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М.: Москва, 2000. 560 с.

I.L. SOLONEVICH'S POLITICAL PHILOSOPHY: GENDER ASPECTS

N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of I.L. Solonevich's political ideas in the gender perspective. In the light of the study of his «people's monarchy» platform, this author's attitude to the role of women in Russian history and the rule of Russian queen are revealed. The author also analyzes Solonevich's criticism of gender equality policy conducted in the Soviet Union.

Keywords: *conservatism, bolshevism, gender, androcentrism, patriarchal order.*

Об авторе

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: n_s@pochta.ru.

Author info

KOZLOVA Natalia Nikolaevna – Ph.D., Assoc. Prof. of Political Science Dept. of Tver State University, Tver. E-mail: n_s@pochta.ru.